

ЕБН

Константин Крылов

Вспоминать ельцинскую эпоху у нас не то что не любят, но стараются это делать выборочно — и, желательно, в своём кругу. Разговорчики на эту тему ведутся вполсловечка, с поддонцем, со специальными усмешечками — особенно среди тех, кто в те годы жирковал и харчился особенно лихо.

Но ещё характернее жалкие мышинные лыбочки тех, кто в те годы ничем не попользовался, а, напротив, пострадал и лишился. Воспоминания о челночных рейсах и торговле перемороженными помидорами прибегаются для таких же — битых-ломатых, перетерпевших, доподлинно узнавших, почём он, зелёный.

Если с чем-то сравнивать интонацию этих разговоров, то на ум приходит одна неприятная аналогия. С очень похожей кривоватой хмылочкой иные пожившие-повидавшие мужчины вспоминают совместное житьё с распутной бабой — из таких, кому не впадлу прийти под утро в рваных колготках, получить заслуженную оплеуху, а на истошное "ну почему?!" спокойно отряхнуться и пожать плечиками: *"ну вот такая я блядь, сам выбирал"*.

1

Слово "блядь", вопреки пуристам, хоть и грубо, но вполне пристойно, — его, к примеру, можно встретить в богослужебных книгах на церковнославянском. Там оно означает ошибку, заблуждение или ересь, причём не случайную, а упорную, сознательную ошибку, намеренное отступление от истины. Слово родственно западнославянским словам, обозначающим потемнение, помрачение ума, слепоту и смешение, квипрокво и всяческую неразборчивость.

За этим стоит образ правильного пути, как правило единственного, ведущего к праведной и святой цели — и великого множества "кривых, окольных троп", по которым блядь и ходит по блядским своим делам.

Разумеется, это может касаться человеческого поведения в любых сферах. Современное значение слова выпятилось понятно почему: распутная баба, "блудница", *ходящая по мужикам* в самом прямом смысле слова (из избы в избу, каждый раз по другой дорожке, задами-огородами) воплощает метафору совсем уж буквально. Но вот, например, церковнославянское "блядивый" означает "празднословный", "демагогический", а если совсем уж точно — "многими речами приводящий в заблуждение и сбивающий с толку".

На это стоит обратить особое внимание, потому как тут-то и пролегает грань, делающая блядство особо скверным грехом, куда более гадким, чем "просто" ложь или "просто" измена. В отличие от обычного лжеца, стремящегося убедить человека в чём-то ложном, но конкретном, блядоуст ставит перед собой иную, ещё более мерзкую цель — отвратить

человека от истины как таковой, сманить с прямой дороги в тёмные чащобы разнообразной неправды, где человек сам заплутается, сам себя обманет, потеряется и погибнет. Лжец учит лжи, но хоть *определённой* лжи — от неё ещё можно возвратиться к истине. Блядучитель же учит *всей лжи сразу*. Точно так же, обычная баба-блядь не "изменяет" одному мужчине с другим, вполне определённым мужчиной, которого она "предпочла" первому, а именно что *спит со всеми*. Это куда более глубокий уровень нравственного падения, чем обычная измена в стиле мадам Бовари или Карениной⁽¹⁾.

Позволяя себе толику пафоса, можно сказать, что подлинной противоположностью Истине и Добру являются даже не ложь и аморальность, а именно что *блядство*⁽²⁾. Человек, искренне придерживающийся ошибочного мнения или практикующий неправильное поведение, ещё небезнадёжен. Например, человек, сознательно лгущий по какому-то поводу, причём в одном и том же ключе, тоже может быть не столь уж плохим: например, он может быть убеждён, что эта ложь "сейчас нужна" и "будет во спасение". Но вот человек, принявший ложь как норму мышления и образ жизни — это уже "другая порода людей". Именно поэтому самый доброжелательный и симпатичный циник бесконечно гаже самого угрюмого фанатика. Впрочем, ещё бывают циники, изображающие фанатиков — и это уже запредельно гадко...

Но вернёмся к "ельцинской эпохе". Самое краткое и самое точное, что можно о ней сказать — это было *блядское время*. Время, когда бляди (точнее, *блядва*) стала властью, причём властью единственной и абсолютной.

2

Строго говоря, "ельцинский век" следует делить на три части — до воцарения ЕБНа на российском престоле, до уничтожения Верховного Совета, и, собственно, само царствие.

Первая часть — которая "до" — сейчас сильно зашлифовалась в коллективной памяти, и всё по тем же причинам: вряд ли бывший муж бляди будет вспоминать период досвадебного ухажёрства. Особо мерзит тут именно искренность бывшего чувства: ведь любил же он эту дешёвую потаскушку, дарил цветы, стоял под окнами, все дела. Это вспоминать даже противнее, чем её последующие рысканья по мужикам, ибо ничто так не унижает человека, как проявление высоких чувств к куску дерьма. "Целовал какашку", фу, бэээ.

Но будем всё-таки честны. Вспомним, как оно было.

О существовании Ельцина советский народ узнал в последнюю неделю октября 1987 года. Сначала по столице, а потом по Союзу зашелестели слухи, что какой-то правильный свердловский мужик на пленуме ЦК обличил Горбача и всех коммуняк в злоупотреблениях, за что его сняли со всех постов и засунули в психушку, где пытались убить ножницами. Впрочем, тема про ножницы, кажется, появились потом. Вместе со слухами поползли набранные на пишмашинке копии "речи Ельцина". Я видел несколько вариантов этой речи. Некоторые из них более или менее соответствовали тому, что было реально сказано, некоторые — более интересные — были чистой фантазией. Ельцину приписывались обличения заживевших коммуняк, требования создать "вторую партию", требования всяческих свобод "и ваще". Несомненный факт изгнания с партийного Олимпа придавал всему этому некую достоверность: не могли же они убрать его ни за что? В книжном магазине на Калининском проспекте тишком списывали

в макулатуру фотопортреты Ельцина.

Дальше был своего рода провал. О Ельцине не то чтобы не говорили, но были темы поинтереснее. Интеллигенцию волновал Сахаров, события на съезде, разрешение печатать Гумилёва и Ахматову, а также окончательная реабилитация НЭПа и Бухарина. Народ волновался по поводу пустых полок, выходки люберов и первые публикации про наркош и путан.

На последнем стоит остановиться. Для широких масс настоящая перестройка началась с длинной, растянутой на много номеров публикации в "Московском Комсомольце", посвящённой жизни проституток, из которой народ узнал, сколько Это стоит и столько Они за это получают. В 1989 вышла "Интердевочка", с которой стало делать жизнь — с разной степенью успешности — подросшее молодое мясо, бывшее когда-то "человеческими детёнышами". В том же году появился таинственный писатель-фантаст Вилли Конн, поразивший читателей творением под названием "Похождения космической проститутки". Одна моя знакомая, фантастику не жаловавшая, купила эту книжку в киоске, не разобравшись со словом "космической": как выяснилось, она восприняла его как позитивный эпитет ("ну космическая же совершенно проститутка!"). Упс.

Но вернёмся к проституции земных масштабов. В те же времена появился новый жанр — слухи о праведной жизни Ельцина. Оказалось, что он, кремлёвский небожитель, пусть и поверженный, "ездит в трамвае", "отоваривается в обычных магазинах из сети" (это всё же вызывало лёгкое недоверие — "не, врешь, так не бывает"), "видели его в метро" и т. п. Разговоры о ельцинском аскетизме перемежались темой "борьбы с привилегиями". Правда, тогда же стал доходить и первый негатив — оказалось, Ельцин в Свердловске снёс какой-то важный исторический дом. Но этому тогда не придали значения: "мало ли, дело тёмное".

В марте 1989 года Ельцин был выдвинут кандидатом в народные депутаты Верховного Совета СССР от Москвы. Ходили слухи, что противником ему дадут Сахарова. Это вызывало у интеллигенции морально-нравственный тремор: какой коварный план! как подлю, как подлю играют коммуняки! Опасения оказались напрасными: соперником Борису Николаевичу дали директора завода ЗИЛ Евгения Бракова (представляю ухмылки сегодняшних пиарщиков: "директор завода, советские автомобили, брак... гы!"). Браков — интеллигентного вида мужик в очках — говорил, как теперь выясняется, довольно правильные вещи. Но они никого не интересовали.

В день выборов пьяненький муж подруги моей тогдашней жены, обхватив голову руками, причитал: "Опять обманут... опять обманут... потом скажут, а мы и поверим, как овцы поверим... Но если выберут Ельцина — я поверю в демократию". Ельцин победил, собрав девяноста процентов голосов по Москве — точнее, 89, очень грамотная и красивая цифра.

В сентябре того же года Боря снова заставил говорить о себе, чрезвычайно удачно упав с моста через Москву-реку, что у Николиной горы. Народ взволновался: всем приличным людям было понятно, что его туда сбросило проклятое КГБ. Я видел даже поэму, написанную каким-то арбатским станочником (тогда была мода стоять на Арбате и читать свои стихи, а потом продавать самопальные сборнички — теперь я жалею, что не прикупил этих шедевров), посвящённую этому событию. В поэме смело намекалось на то, что страна у нас кровавая, а Борису Хотели Убить За Правду. Какую такую "правду" нёс с собой Бориска, кроме как "вредить коммунякам и Горбатову", было непонятно — но в это верили.

Тут уже наметилась некая тенденция, пышным цветом расцветшая позднее. Как ни странно, даже в тот героический период Ельцин, при всей его брутальности, никем не воспринимался как Вождь с Большой Буквы. В частности, его не воспринимали как "ведущее и направляющее начало". Даже его позднейшее позирование на БТРе воспринималось скорее как литературная цитата, нежели как реальный вождизм. Зато Ельцин был очень хорош в роли защищаемого и опекаемого. Народ не "шёл за Борисом Николаевичем", нет — он *носился* с Ельциным, как с писаной торбой, в полной готовности вылавливать его из любой речки, любого болота, любого чана с дерьмом, куда он упадёт. Он вызывал максимум интереса именно в этой своей ипостаси.

Тогда же я узнал, что ельцинскую супругу зовут Наина — и многое понял.

Впрочем, к тому времени я всё больше расходился даже с ближайшим окружением в оценках текущей ситуации.

3

Последняя, самая страшная волна ельциномании накатила в марте девяностого, когда прошли выборы в Верховный Совет РСФСР. "Демократы первой волны" завоевали тогда парламентское большинство.

Дальше было круче. Я никогда не забуду чудовищные митинги на Манежной площади, бьющихся в экстазе старушек и крики — "Ельцин-Ельцин-Ельцин!!!"

О психологическом состоянии "советского пока ещё народа" лучше не говорить. Человечков буквально *крутило* — они блукали в потьмах, как слепые, и выли, как бешеные. Немногие сохранившие остатки ума смотрели на взбесившихся с ужасом и омерзением. Это был прямой выплеск инферно — какое-то всеобщее оле-оле и гыр-гыр-гыр, помрачение последних остатков разума. В нормальных вроде бы людей легионами вселялись бесы, которые греготали и похабноглаголали какие-то непотребные кощуны. И среди них главным заклятьем было самое — "Ельцин-Ельцин-Ельцин!!!"

И бесы уссывались в аду, внимая тому, как призывают слепленного ими из какашек голема.

"Человеком года" в 1990-м стал Анатолий Кашпировский.

А в 1991 году российской народ *сделал исторический выбор в пользу свободы и демократии*.

4

... Я стоял на неперевернутом троллейбусе. Где-то поблизости, вроде бы, были и перевёрнутые, как белобрюхие рыбины на песке. Зачем их переворачивали, непонятно. Вокруг бесновались... нет, пожалуй, никто особенно не бесновался, хотя я-то ожидал именно беснования. Но нет, всё было относительно спокойно.

Рядом со мной сидели какие-то подростки и курили. Обычные такие подростки, даже симпатичные. Вряд ли они что-нибудь понимали.

Вообще, вокруг было много симпатичных людей.

Я был уверен, что в них надо стрелять, пока они не разбегутся. Я надеялся на то, что у ГКЧП достанет мужества это сделать — начать стрелять.

Потому что эти симпатичные люди убивали свою страну. В общем-то, даже не по злобе, а по глупости. Но от такой глупости можно вылечить только пулями.

"Дядька научил мамку резать, и папку резать, и братика тоже резать. Дядька умный был, с бородищей. Я пошёл, резал". — "И кто же ты теперь после этого?" — "Бееедный я сиротинушка".

В дальнейшем выяснилось, что среди этой толпы были практически все те люди, с которыми я сейчас нахожусь в деловых, дружеских, и всяких прочих отношениях (включая мою нынешнюю супругу), так что. И тем не менее, я до сих пор думаю, что несколько выстрелов могли изменить отечественную историю в лучшую сторону.

5

Быть обманутым не просто неприятно, но и стыдно. Ещё стыднее накосячить так, что плохо станет не только тебе, но и другим. Обманщики это прекрасно понимают и обожают этим пользоваться.

Проглотившему наживку человечку объясняют, что он-де кровью подписался под какой-нибудь гадостью и теперь должен её делать, "как честный человек". "Ты обещал" — говорит обманщик, "ты же у нас честный — иди и делай". При этом почему-то не учитывается, что козыряющее подписанной бумажкой блядво само никаких обещаний не держит и даже не делает вид, что держит. "Я тя, лоха, обул — а ты гнишь, гнишь". "У меня бумажечка-то — вот она". Если же бумажки нет, в ход идёт обычное блядьё присловье: "ты меня замуж взял — сам выбирал".

Точно так же события 1991-го выдают чуть ли не за церковный брак народа российского с ельцинской блядвой и прошмандой, разлучить который теперь может только смерть (понятное дело, народа, а не прошманды — та намерена жить и веселиться, прокучивая имущество покойного супруга). Тогдашние сватья бабы Бабарихи, сладко певшие народу в уши о прелестях и чистоте невесты, теперь ощериваются гнилыми зубами: "вы выбрали демократию, выбрали рынок, выбрали реформы — теперь не жалуйтесь, не жалуйтесь, терпите и несите эту ношу смиренно, смиренько, смирёхонько, до гроба. "Вы подписались, вы сделали свой исторический выбор — теперь не жалуйтесь". "Выбрали — несите ответственность".

На самом деле все разговоры об "ответственности" являются точно таким же обманом, заговариванием зубов — для того, чтобы опрометчиво подписавший невыгодный контракт человек не пошёл в суд (земной или высший) и не аннулировал контракт, не послал блядищу по известному адресу и так далее.

Впоследствии многие из тех, кто в ту пору кудеярился в "живом кольце" вокруг беде и готовился к сражению с янаевскими супостатами, кое-что поняли. Некоторые, кстати, встретились там же в 1993 году. Иные разорвали контракт с чертоплешью и возненавидели блядищу на престоле позже, но не менее искренне... Другое дело, что это

уже было поздно. Но лучше поздно, чем никогда...

Во всяком случае, об этих людях — как говорил Бобр в сказке Льюиса — "возможны два мнения". Но двух мнений быть не может о блядве, которая тогда отнюдь не побежала защищать молодую демократию, а всё больше отсиживалась по огородам — зато теперь вспоминает *развесёлые девяностые* с причмоками и слюнькой.

Ибо это было её, блядвы, золотое времечко, *своя минутка* — за которую она, впрочем, успела больше, чем другие успевают за века. Ибо — *дело её было нехитрое*.

6

"Беловежье" стало невероятным, чудовищным геополитическим преступлением, по сравнению с которым меркнут абсолютно любые примеры национального предательства, известные в человеческой истории. Для того, чтобы хотя бы описать подобное злодеяние, нужно быть либо историком, либо поэтом, поэтому я лучше промолчу.

Поэтому — только одно замечание. Беловежское предательство не было однократным актом, как представляют себе это дело многие, пишущие сейчас о том, как три пьяных кретина уничтожили Страну. О нет, это было бы слишком хорошо. Беловежье — это *процесс*, а ещё точнее — *стиль*. Например, заключение похабнейшего (куда там Брестскому миру) "большого договора" с т. н. "украиной" было актом национального предательства, сравнимого с "беловежьем" если не по масштабу, то по стилю уж точно. Скажем больше: вся внешнеполитическая деятельность Эрефии строилась и строится по образу и подобию того акта, который её, Эрефию, и породил — то есть Беловежских соглашений. Впрочем, как и внутривполитическая — чего только стоит "берите суверенитета сколько влезет" или вооружение Чечни. Это всё было мерзко, подло, бессмысленно — но очень узнаваемо.

7

Экономическую, социальную и геополитическую доктрину ельцинского правительства можно определить одним словом — *кутёж*.

Бляди, как известно, к деньгам как таковым равнодушны. Они любят не деньги, а удовольствия, а среди удовольствий они больше всего любят кутежи, когда за один вечер просаживается состояние. Причём само сознание того, что по ветру идёт овеществлённый человеческий труд сотен и тысяч людей, только добавляет желанного перчика. "Вот мы как гуляем".

Сейчас очень сложно понять, какими рациональными соображениями руководствовались, скажем, Козырев или Бакатин, сдавая американцам советскую агентуру или идя на чудовищные, невиданные в мировой истории сдачи и капитуляции. Даже если признать всех этих людей прямыми агентами Вашингтона, и то подобное поведение выглядит странноватым. Агент такого уровня, разумеется, сдаёт что надо — но при этом понимает, что делу надо придавать законный вид и толк, красиво оформлять бумажки, не светить мордкой и соблюдать принятый в таких делах политес. Здесь же сами пиндосы-победители только рот разевали: да что это они творят?! Когда тот же Бакатин передавал им схемы прослушки посольства, товарищей из вашингтонского обкома были близки

к кондратию: "так же не делают".

На самом деле весь кайф "молодых реформаторов" состоял именно в том, чтобы всё спустить с шиком. Пустить по ветру одну из величайших стран мира, жизнь и труд миллионов людей — о, таких экспириенсов не знали и римские цезари. Нерон, подпаливший Рим, Герострат, пустивший пеплом храм Артемиды, султан, сжигающий Александрийку — всё это были какие-то пигмеи, черви, мураши на фоне пьяного рычащего ублюдка и его гоп-компашки, захватившей власть и куражащейся всласть.

Наступила полная сбыча блядских мечт, апофеоз местечкового шика: "хрусты летели и летели", страну выносило в трубу с потрохами. Пьяные бляди сидели "на набережной" и швыряли в воду золотые слитки, наслаждаясь бултыхом.

В этом смысле нет никакой, решительно никакой разницы между очередным "перенацеливанием ракет" или "сдачей рубежей" — и, скажем, ельцинским пьяным рыганием в телекамеры, его похабным "шта-а?" или струёй старческой мочи, орошающей колесо самолёта. Всё это был блядский кутёж и кураж, обязательно с "выходками" и танцами на столах⁽³⁾.

Ясен пень, оно не отменяло дикого страха "реформаторов" перед возможным — в те годы ещё возможным — возмездием, "за пицунду и на кукан". Но это только придавало прыти: необходимо было полностью, до конца уничтожить мощь и величие страны, как можно скорее выморить или вытолкать толковых людей, как можно скорее сделать из "Верхней Вольты с ракетами" просто Верхнюю Вольту.

Поставленной цели они достигли.

8

Войну в центре Москвы, ведущуюся органом исполнительной власти против органа законодательной власти, я комментировать не буду — не из сентиментальных каких-нибудь соображений, а потому, что это не даёт "прибавления смысла" к уже сказанному. Точно так же, не имеет смысла комментировать "конституцию", "приватизацию", "залоговые аукционы", "веерные отключения" и прочую бесовщину.

Не буду я комментировать и национальную политику ельцинских лет. Сказать, что она была антирусской, значит не сказать ничего, а начнёшь описывать детальки и подробности геноцида русского населения Эрефии — получится очень толстая и очень чёрная книга, за каждую страничку которой всех причастных к этим делам следовало бы как минимум повесить⁽⁴⁾. Но — не будем и об этом, "что уж теперь-то".

Поговорим лучше о чём-нибудь более возвышенном, духовном. Впрочем, хорошая теория стоит иной практики. Булгаковский Воланд в Москве вот не очень интересовался текущей политикой соввласти. У него был другой хороший вопрос — "изменились ли люди внутренне?"

9

Крайности, как известно, смыкаются — хотя лучше бы нам при той *смычке* не присутствовать. В частности, полное и абсолютное блядство смыкается с невинностью.

Настоящая, неподдельная невинность — невинность ребёнка или собачки — состоит в незнании вины, в том числе и за собой, в неведении того, *что* они, собственно, творят. В рассказе Грина маленькая девочка растапливает камин папиной учёной рукописью, на которую тот положил полжизни — и не виновата, она же очень любит папочку и просто не понимает, что эти бумажки ему дороги. Для полноты картины можно представить и другой вариант: молодая секретарша тырит у дядьки его умные бумажки, потому что ей за это пообещали сторублёвочку. Нет такой вещи, которую блядь не сделает за побрякушку. Взятая за пицунду, блядь будет хлопать глазами и говорить — "А чё? Чё я такого сделала? Мне хотелось *бусики* купить, чешские, красивенькие, а этот жмот мне на *бусики* денежку не даёт, так я чё, буду *без бусиков ходить*, что-ли?". И хоть ты её, падлу, режь, хоть с кашей ешь — будет визжать, захлёбываться слезами, но ничегошеньки не поймёт.

Бляди, не достигшие такого уровня морально-нравственного совершенства, вынуждены его симулировать. Они специально тренируются широко закрывать глаза и делать "а чё".

Ельцинское царство всеобщего растреления потребовало быстрого и массового воспитания легионов блядей. Люди поплоше, почуяв спрос, начали перековываться.

Выразилось это прежде всего в массовом обучении *фигурам невинности*.

Простейший способ симуляции таковой — намеренное занижение своего культурного и нравственного уровня, игра в дикарей, которые "такие все природные". Дело дошло до массового копирования дикарских повадок. Бывшие люди стали сознательно корчить из себя "африканских негритосов", не знающих законов и приличий, не читавших всяких там Достоевских и увлечённо сморкающихся в занавески.

Отсюда, из этого желания *блядски опроститься*, и пошёл "новый русский" — насквозь мифологический, но при том определяющий тип ельцинской эпохи. Как говорят, само словцо вылузгалось из французского газетного "нуво раш", каламбурного варианта "нувориша". Впрочем, каламбур на то и каламбур, чтобы осмеивать. "Новый русский" был именно что не "нуворишем", не цепким и скряжистым скоробогачом, а наоборот — гугукающим дурачком, "вованом", трясущим семиствольной волюной и скупающим в Лондоне шмотки подороже. Кстати, тогда же в мужскую моду очень кстати вошли типические *блядьи шмотки* — например, пресловутые барсетки "из кож крокодаила".

10

Одно из самых омерзительных зрелищ, которые только можно увидеть в нашем и без того несовершенном мире — это блядь, *добившаяся успеха*.

Собственно, в успехе как таковом ничего плохого нет, скорее наоборот. Однако, успех по-блядски разрушает все неблядские варианты успеха, делая успех как таковой чем-то гнусным и омерзительным.

Здесь уж позвольте немного потеоретизировать — иначе вам будет непонятно, а мне неприятно, что вы не поняли.

Начнём с того, что в любом обществе существует набор *общественно-одобряемых целей*. Под "общественным одобрением" здесь имеются в виду всё то, "за что девушки любят", "за что люди уважают", и так далее. Скажем, толстый кошелёк, видный пост,

профессиональный успех, рельефный брюшной пресс, умение общаться — это всё нравится девушкам, и вызывает зависть и уважение друзей и знакомых. Соответственно, стремление обладать всем этим будем считать общественно-одобряемым. Напротив, многие волнительные цели обществом не одобряются, хотя кто-то их и преследует. Например, стремление к переживаниям чикатиловского толка вызывает ужас и отвращение, а невинные радости коллекционера горелых спичек — презрительное непонимание. Но ни чикатил, ни коллекционеров спичек не любят, так что об этом можно не беспокоиться.

Дальше пойдём. В любом обществе существует набор *общественно-одобряемых средств* для достижения целей (любых целей). Например, ведение бизнеса с целью получения прибыли обычно считается нормальным и естественным, а вот убийство отца ради получения наследства — всё-таки, наверное, нет.

Теперь внимание, важное. В *нормальном* обществе для достижения любой общественно-одобряемой цели существует набор общественно-одобряемых средств. Денег можно заработать, пост — выслужить, и так далее. Грубо говоря, возможен *честный успех*.

Но то в обществе нормальном. В ельцинском же блядюжнике, именуемом "постсоветской Россией", для достижения наиболее привлекательных общественно-одобряемых целей *просто не существует* общественно-одобряемых средств.

Что это значит? Было построено общество, в котором деньги можно *только* украсть, власть можно получить *только* участвуя в каких-то невероятно гнусных играх, и так далее. Все остальные возможности были просто искоренены. Скажем больше: было достигнуто положение вещей, при котором абсолютно все виды успеха, которые достижимы путём использования общественно-одобряемых средств, успехом считаться перестали. Например, перестали цениться научные звания, военные награды, и так далее. Вообще всё человеческое перестало цениться, если это "не деньги". Всё, абсолютно всё непозорное, доставшееся умом, трудом и доблестью, было сознательно опоганено правящей блядвой, облёвано ею, обгажено. Делалось это сознательно и сладострастно⁽⁵⁾.

С другой стороны, мерзотина стремилась всячески легализовать и даже возвысить себя. Если бы ельцинизм в его чистом виде продлился бы ещё лет десять, то человек, не отсидевший в тюрьме, просто не стал бы допускаться в политику или крупный бизнес — по формуле "ты, Вася, сначала на зоне срок помотай, а потом уже в депутаты собирайся". Сейчас это звучит диковато (всё-таки люди склонны забывать некоторые вещи), но те, кто помнят нравы золотого додефолтного времени, подтвердит, что всё к тому и шло.

Тут, однако, была своя сусть. Между общественно-одобряемыми целями (богатством и властью) и общественно-неодобряемыми средствами (прямой бандитизм, какой-нибудь преступный бизнес⁽⁶⁾, ментование⁽⁷⁾, чиновничье обиралово и прочая гнусня) имелась-таки узенькая щёлочка — как между откормленными ягодицами. А именно, существовал один способ оказаться на вершине, якобы даже не особенно пачкаясь. Способ простой — устроиться на шее какого-нибудь гада. Подруга бандита, жена предпринимателя, сын мента и дочь губернатора — вот кто был настоящими выгодополучателями в славные девяностые. Позиция воистину блядская, но "по установившейся морали" эффективная.

В ельцинском обществе, разделённом на начальников, бандитов и неудачников⁽⁸⁾, слаще всего жирковали именно *бляди* и *паразиты*. Они, ничем не рискуя (убивали их отцов, гноили в тюрьмах их любовников, разоряли и трамбовали в грунт их родителей — но

не их, не их), харчевались смачно, наотлёт⁽⁹⁾.

Повторимся: это превосходство паразита — даже моральное! — над всеми остальными определялось сущностными характеристиками блядского режима.

12

И, наконец, скажем несколько слов про социальные ниши, образовавшиеся в ельцинскую эпоху. Про ельцинских любимцев — и ельцинских опущенцев.

Веселящаяся (в том числе и веселящаяся на троне) блядь больше всего ненавидит тех, кто *её не хочет*. В частности, не хочет участвовать в её весельях. Тут важно это самое "не хочет": понятное дело, что до самих поблядушек будут допущены только избранные. Однако, все остальные, по мнению бляди, должны ей как минимум завидовать, причём завидовать честно и от души. Ещё лучше — тереться возле бляди, развлекать её и выпрашивать вкусные кусочки. Те же, кто кривит морду и смотрит на блядь и её блядву с презрением (или хотя бы без должного заискивания) — тех блядь очень и очень не любит и норовит сжить со свету.

Поэтому в ельцинской эрефии никому не жилось так весело, как "творческим работникам". Начиная от ресторанной певички и кончая Аллой Борисовной Пугачёвой, все они так или иначе получили свой кусочек сахара.

Влияние эстрадных пустоплясов на экономическую, политическую и духовную жизнь Эрефии *невозможно переоценить*. Фактически, эстрада заменила собой всякую "духовную жизнь". Монологи Жванецкого заняли место официальной идеологии, а вся радость жизни перешла в ведение жеманоглотливой Аллы Борисовны Пугачёвой, этого космического монстра, слопавшего солнце и луну и раздувшегося до галактических каких-то пределов. Алла Борисовна была буквально, буквально везде, везде и всюду она застила собой абсолютно всё, а случайно образовавшиеся дырки затыкались Киркоровым. Непонятно, почему гимном Эрефии не стала "Зайка моя" — наверное, потому, что никто не удосужился переложить это на музыку Глинки. "Но было где-то близко".

Неудивительно, что противоположной категорией людей, которые ельцинской блядве были физически отвратительны, стали все те, кто Пугачёву не любил, или подозревался в нелюбви.

Прежде всего это коснулось людей образованных и что-то умеющих, в особенности — занимавшихся наукой.

Уничтожение российской науки и техники, разумеется, объяснимо с точки зрения проигрыша России в Третей мировой: понятно, что коллаборационистские власти первым делом обезглавили именно науку и образование. Однако, тут есть свои нюансы. В ненависти ельцинской блядвы к "образованным" (в особенности русским) было что-то метафизическое. Понятно, когда профессоров вывозят за границу или заставляют работать на неё здесь⁽¹⁰⁾. Но только ельцинские додумались "создать условия", при которых университетские профессора отправлялись торговать польской косметикой под присмотром полуграмотных чурбанов из аулов. Понятное дело, что насыпать им по несколько сотен баксов было делом простейшим — но тут в душу глянула именно что блядская обидка: *эти нас не уважают и уважать не будут*. И не насыпали.

Примерно теми же соображениями можно объяснить то сладострастие, с которым уничтожалась советская наука и техника. Опять же, требования американцев-победителей были вполне понятны: разорить и разрушить покорившуюся страну полагается по всем правилам военного искусства, лучше это делать руками аборигенов, тут всё понятно. Но даже прямо контролируемые оккупантами немецкие власти демонтировали великую немецкую науку, как минимум, с угрюмым сожалением, и многое сохранили. В том же, как громилось советское наследие, было именно изощрённое злорадство. Причём оно было заявлено в качестве программы с самого начала — когда "Буран" был поставлен на прикол в "парке культуры". И превращён не во что-нибудь — в *ресторанчик*.

Как и всё лучшее, что было создано русскими людьми в России.

13

Глядя с моей колокольни, сейчас к Ельцину возможны два отношения. С одной стороны, хочется, чтобы гадина жила ещё долго, чтобы дотянула до справедливого суда. С другой — у многих людей я встречал тоскливое предчувствие: пока ЕБН жив, в России будет продолжаться тот ад, который установился здесь в проклятом девяноста первом.

Не знаю, кто прав — да и к тому же оба упования, в сущности, тщетны. Ибо на фоне того, что совершил и чему способствовал этот человек, любой человеческий суд выглядит смешно и безобидно, как слезинка ребёнка. Что до высшего суда, то у него, скорее всего, найдутся свои соображения, нам неведомые.

Однако всё это не отменяет ни правил вежливости — которые стоит соблюдать даже по отношению к последним подонкам, — ни морального долга *помнить всё*. Ибо — "кто прошлое помянёт, тому глаз вон, а кто забудет — тому два".

С Днём Рождения, Борис Николаевич. Мы вас помним.

Примечания:

1. Здесь и пролегал различие между "просто изменившей" и "блядью". Изменяют всегда кому-то с кем-то; блядь же спит как бы с бесконечным множеством мужчин сразу, ибо она "готова с кем угодно". Разумеется, это отнюдь не исключает наличия у бляди личных вкусов и пристрастий по части мужских статей, иной раз даже и прихотливых ("ой, девки, люблю я молоденьких, чёрнявых, и шоб с кудрячкой до плеч — не могу, умираю прям с таких"). Понятное дело, бесконечное множество от этого не становится меньше.

2. Точно так же, как *ответственности* противостоит не абстрактная "безответственность", а *саботаж*.

3. Впрочем, что немногие *несданные* позиции России, — причём в вопросах, в которых сдача, казалось бы, подразумевалась по дефиниции — остались, похоже, благодаря всё тем же качествам. Например, Ельцин так и не отдал японцам Курилы. Причин на это никаких не было — но была пьяная злость и пьяное упрямство. "Шта-а? Чё это они хотят? Да они кто? Да они америкацы, чё-ли, шоб мне указивки слать? А вот не буду. Пущай мне Клинтон скажет, тады бум разговаривать. А так — пшли нахр".

4. Хотя об этом можно и по-быстрому.

Абсолютно вся политика эрефского правительства может быть аналитически выведена следующим образом. Берётся какое-то предложение. Сначала смотрится главное — *не станет ли от его принятия русским лучше?* Если да, оно отвергается сразу и навсегда. Если нет — оно рассматривается: тут уже вступают в силу конкретные интересы. Но в случае плюса по первому пункту "даже и речи идти не может" о его принятии.

5. Например. В те годы обожали рассуждать — причём публично, в газетах — про ветеранов и их детей, торгующих боевыми орденами. Издевательство тут было сугубое, рафинированное: сознательно доведя людей до гнусной нищеты, жиркующая блядва ухохотывалась над их бесчестьем. "Что, Ванёк, вот для чего ты Берлин брал? Ну, медальки за взятие тебе на бутылку хватит, пьянь старая".

О положении "ельцинских опущенцев" мы ещё скажем ниже.

6. Другого, впрочем, в ельцинские времена не было, да и сейчас, в общем-то, нет.

7. Именно так можно обозначить тот невыразимо гнусный промысел, которым занялись "правоохранительные органы".

8. Интересно, что в ельцинском обществе полностью отсутствовала позиция "бедный, но честный". Господствующий блядский дискурс особенно ненавидел и презирал тех, кто не принимал участие в общем разврате. Поэтому непричастные к "реальным челам", то есть к начальническому или бандитскому миру рассматривались либо как трусливые неудачники ("не смог стать вором, зассал"), либо как неудачливые преступники ("выгнали с должности — небось, не тому на лапу дал"), либо, наконец, как клинические идиоты, не понимающие, как мир устроен, *лошки из подворотни*.

9. Интересно рассмотреть с этой точки зрения происхождение ельцинского "среднего класса".

Если коротко, то матерью всего постсоветского мыдла можно считать "секретутку-референта". В пору раннего ельцинизма этим словосочетанием обозначали девку в штате какой-нибудь воровской конторы, промышлявшей кредитами, компьютерами и "всякими такими делами". В обязанности девки входил кофе, классика, минет, в продвинутом варианте — анал и машинопись ("ещё и печатает"). Платили девке не очень много, огуливали без лишних нежностей, зато она не отвечала за форс-мажоры, а в случае полного кирдеца просто переходила в другую похожую контору, где требовались те же умения. "Зубы, дура, зубы", а потом — "сделай нам кофе, девочка, мы спешим".

Сейчас, конечно, не то. Нынешняя офисня, — каковую сейчас, собственно, и именуют "российским средним классом", ибо другого значения это слово в Эрефии не имеет — предпочитает не вспоминать о своём малопочтенном генезисе. Даже пресловутое "секретарь-референт" начало значить что-то вполне приличное. Однако пряная отдушка девяностых всё ещё никуда не делась. А в кондиционированном офисном воздухе топором висит суровое, но справедливое русское слово: "притырки".

Именно *притырочье житьё* и притырочные нравы, *modus vivendi* пристроившегося к крупным вора и воровайкам "персонала", и есть то самое, что у нас изрядно портит амбре нарождающегося миддла (или, как сейчас говорят, мыдла).

10. О том, во что это обходится России, можно узнать, например, [здесь](#).